

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood

THE TESTAMENTS

Copyright © O.W. Toad, Ltd. 2019
Interior and case art by Suzanne Dean (fountain pen) and Noma Bar (girl profiles)

Перевод с английского *Анастасии Грызуновой*

Этвуд, Маргарет.

Э89 Заветы / Маргарет Этвуд ; [перевод с английского А. Грызуновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-109705-9

Больше пятнадцати лет прошло с момента событий «Рассказа Служанки», республика Галаад с ее теократическим режимом по-прежнему удерживает власть, но появляются первые признаки внутреннего разложения. В это важное время судьбы трех очень разных женщин сплетаются – и результаты их союза сулят взрыв. Две из них принадлежат первому поколению, выросшему при новом порядке. К их голосам присоединяется третий – голос Тетки Лидии. Ее непростое прошлое и смутное будущее таят в себе множество загадок.

В «Заветах» Маргарет Этвуд приподнимает пелену над внутренними механизмами Галаада, и в свете открывшихся истин каждая героиня должна понять, кто она, и решить, как далеко она готова пойти в борьбе за то, во что верит.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-109705-9

© Грызунова А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2020

Оглавление

I		СТАТУЯ		9
II		ЦВЕТOK ДРАГОЦЕННЫЙ		15
III		ГИМН		39
IV		«БОРЗАЯ МОДНИЦА»		49
V		ФУРГОН		73
VI		ШЕСТЬ — ЭТО ТЛЕН		89
VII		СТАДИОН		129
VIII		«КАРНАРВОН»		141
IX		ПАЛАТА «ИСПОЛАТЬ»		159
X		ВЕСЕННЯЯ ЗЕЛЕНЬ		181
XI		ВЛАСЯНИЦА		197
XII		«КОВРЫК»		217
XIII		СЕКАТОР		243
XIV		АРДУА-ХОЛЛ		257
XV		ЛИС И КОШКА		289
XVI		ЖЕМЧУЖНЫЕ ДЕВЫ		299
XVII		ИДЕАЛЬНЫЕ ЗУБЫ		319
XVIII		ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ		329
XIX		КАБИНЕТ		357
XX		РОДОСЛОВНЫЕ		367

xxi	МАЛО НЕ ПОКАЖЕТСЯ	391
xxii	СТОП-СЕРДЦЕ	403
xxiii	СТЕНА	423
xxiv	«НЕЛЛИ ДЖ. БЭНКС»	429
xxv	ПОДЪЕМ	441
xxvi	ЗЕМЛЯ	451
xxvii	ПРОЩАЙ	459
ТРИНАДЦАТЫЙ СИМПОЗИУМ		464
	БЛАГОДАРНОСТИ	476

Всякой женщине надлежит иметь те же мотивы, что у прочих женщин, — иначе она чудовище.

Джордж Элиот, «Даниэль Деронда»

Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало... Разве вы не узнаете себя, свою волю в нас?

Оберштурмбанфюрер Лисс — старому большевику Мостовскому.

Василий Гроссман, «Жизнь и судьба»

Свобода — это груз, который может оказаться не по силам для слабого. Свобода — не подарок, свобода — выбор, иногда нелегкий.

Урсула К. Ле Гуин, «Гробницы Атуана»¹

¹ Перев. С. Славгородского. (Здесь и далее примеч. перев. Переводчица благодарит за поддержку Бориса Грызунова.)

I

Статуя

Автограф из Ардуа-холла

1

Статуи позволительны только мертвым, а вот мне статуя досталась при жизни. Я уже окаменела.

Статуя — небольшой знак благодарности за мой обширный вклад; об этом говорилось в приказе, который зачитала Тетка Видала. Что она сделала по поручению нашего руководства и не испытывая ни капли благодарности. Призвав на помощь всю свою скромность, я сказала «спасибо», потянула за бечевку и сдернула свой тканый саван; ткань спорхнула на землю — и мне явилась я. У нас в Ардуа-холле гикать не принято, однако сдержанные хлопки раздались. Я в ответ склонила голову.

В камне я больше, чем в жизни — со статуями так бывает сплошь и рядом, — и статуя моложе, хуже и в лучшей форме, нежели последние годы была я. Спина прямая, плечи расправлены, губы изогнуты в стоической, но великодушной улыбке. Глаза мои устремлены к некоей космической точке отсчета, каковая, очевидно, олицетворяет мой идеализм, мою негибаемую верность долгу, мою решимость идти вперед вопреки любым

препонам. Моя статуя, впрочем, никаких небесных явлений не узрит — ее поставили в кустах посреди угрюмой рощицы, обок от тропинки, что бежит вдоль фасада Ардуа-холла. Нам, Теткам, даже в камне кичливость не к лицу.

За мою левую руку, доверчиво взирая снизу вверх, цепляется девочка лет семи-восьми. Моя правая рука возлежит на темени женщины, что скорчилась рядом, — волосы под вуалью, взгляд заведен на меня, в лице читается то ли робость, то ли признательность: кто-то из наших Служанок, — а за моей спиной стоит одна из моих Жемчужных Дев, готовая приступить к миссионерским трудам. На поясе у меня висит электробич. Оружие напоминает о моих изъянах: если б я работала плодотворнее, этот инструмент мне бы не понадобился. Я убеждала бы одним лишь голосом.

Не самая удачная скульптурная группа — чересчур перегруженная. Лучше бы внятнее сделали акцент на мне. Зато на вид я хотя бы в здравом рассудке. А могло выйти иначе: престарелая скульпторша — правоверная, уже скончалась — имела обыкновение передавать благочестивый пыл, наделяя свои изваяния выпученными глазами. Бюст Тетки Хелены страдает бешенством, у бюста Тетки Видалы — гиперфункция щитовидки, а бюст Тетки Элизабет с минуты на минуту грозит лопнуть.

На открытии скульпторша нервничала. Льстит ли мне статуя? Одобряю ли я? Одобрю ли зримо? Я подумывала нахмуриться, едва упадет простыня, но отказалась от этой мысли: у меня все-таки есть сердце.

— Прямо как живая, — сказала я.

Было это девять лет назад. Время не пощадило статую: меня изукрасили голуби, мои повлажневшие складки заросли мхом. Почитательницы завели привычку оставлять подношения у моих ног: яйца — знак плодovitости, апельсины — намек на

вынашивание, круассаны — аллюзия на луну. Хлебные изделия я оставляю — как правило, их успевают полить дождь, — а вот апельсины забираю себе. Апельсины весьма освежают.

Я пишу в своем личном кабинете в библиотеке Ардуа-холла — одной из немногих библиотек, что сохранились после увлеченного сжигания книг, прокатившегося по нашей земле. Прошлое оставило уродливые и кровавые отпечатки пальцев — следовало их стереть, дабы освободить пространство чистому духу поколения, которое, несомненно, явится со дня на день. Так гласит теория.

Но кровавые отпечатки пальцев оставляли и мы, а их так просто не сотрешь. За долгие годы я захоронила немало костей, а теперь склоняюсь вновь извлечь их из-под земли хотя бы тебе в назидание, безвестный мой читатель. Если ты это читаешь, значит, моя рукопись по крайней мере уцелела. Впрочем, возможно, я фантазирую: возможно, у меня никогда не будет читателя. Возможно, единственным собеседником моим будет стенка — во многих смыслах.

На сегодня довольно бумагомарания. Ноет рука, ломит спину, и меня ждет еженощная чашка горячего молока. Сочинение свое я сокрою в тайнике, избегая камер наблюдения — где они, я знаю, я сама их устанавливала. Невзирая на такие предосторожности, я вполне сознаю, чем рискую: писания бывают опасны. Какие вероломства, а затем и доносы уготованы мне? В Ардуа-холле найдутся те, кто с дорогой душой наложил бы лапу на эти страницы.

Не спешите, безмолвно советую им я: будет хуже.

II

Цветок драгоценный

